

Глава 1

Вода – самый переменчивый из всех элементов. Так сказал отец в тот день, когда вел меня на место, которого нет. Хотя он ошибался во многом, в этом он был прав – верю до сих пор. Вода движется вместе с луной, заключая землю в объятия, она не боится погибнуть в огне или жить в воздухе. Войдешь в нее – она сроднится с тобой, с силой ударишься о нее – разобьешься на куски. Когда-то в мире были зимы, такие холодные, белые зимы, обволакивающие холодом, тогда можно было зайти в тепло, и люди тогда ходили по поверхности затвердевшей воды и называли ее льдом. Мне приходилось видеть лед, но только маленькие кусочки, сделанные человеком. Всю жизнь я мечтаю о том, каково оно – пройти по морскому льду.

Смерть – союзник воды, их невозможно отделить друг от друга, и ни одного из них невозможно отделить от нас, ибо в конечном счете нас слепили из переменчивости воды и близости смерти. У воды нет ни начала, ни конца, а у смерти есть и то и другое. Смерть суть оба. Порой смерть прячется в воде, порой вода изгоняет смерть, но они всегда вместе – в мире и в нас.

Этому я тоже научилась от отца, но сейчас верю, что научилась бы точно так же и без него.

Могу сама выбрать свое начало.

Возможно, я выберу свой конец.

Началом стал день, когда отец отвел меня на то место, которого не было.

Прошло две недели с экзаменов, обязательных для всех граждан, достигших совершеннолетия, они дают право ехать в город учиться дальше. Все прошло удачно, но я еще с детства знала, что пойду по стопам отца и останусь жить в деревне в нашем доме. Этот выбор я всегда воспринимала как обязанность, отчего, пожалуй, он вовсе и не был выбором. Родители выглядели довольными, я тоже не чувствовала себя несчастной, да и в то время все остальное не имело значения.

Утром мы с отцом развешивали в саду за чайным домиком пустые бутылки, цепляя их вверх дном за металлические крючья. Солнечный свет просачивался сквозь прозрачный пластик, капли воды медленно стекали и падали в траву.

– Чайный мастер обладает особой связью с водой и смертью, – произнес отец, отыскивая трещины в стенках одной из бутылок. – Чай ничто без воды, да и чайный мастер без воды тоже ничто. Чайный мастер посвящает свою жизнь служению другим, но участвует как гость в чайной церемонии лишь один раз в жизни, когда чувствует приближение смерти. Он приказывает своему преемнику подготовить последний ритуал и, когда церемония закончена, остается в одиночестве в чайном домике, пока смерть не опустит руку на его сердце и не остановит его.

Отец бросил бутылку на лужайку к двум другим. Они стоили дорого, как и все сделанное из хорошего пластика, так что надо было хотя бы попытаться починить их, хотя и не всегда получалось.

– Случалось ли кому-нибудь ошибиться, – спросила я, – ощутить приближение смерти, когда его время еще не пришло?

– Не в нашем роду, – ответил он. – Но я слышал об одном мастере. Тот приказал своему сыну провести последний ритуал, а потом остался лежать на полу чайного домика. А через два дня вернулся в дом. Слуги подумали, что это привидение, с одним даже приключился удар. В общем, чайный мастер ошибся, приняв приближающуюся смерть слуги за свою. Слугу кремировали, а мастер прожил еще двадцать лет. Но такого обычно не бывает.

Я попыталась приклепить севшего на руку овода, но тот успел вовремя улететь, прожужжав в ответ. Резинка москитной сетки давила и щекотала, однако снять ее было нельзя – это только привлекло бы насекомых.

– Как узнать о приближении смерти? – спросила я.

– Ну, это легко, – ответил отец. – Так же легко, как знать, что любишь, или когда во сне знаешь, что знаком с тем, кто в комнате, хотя он совсем чужой. – Он взял последние бутылки: – Возьми фонари на веранде и наполни их. Все должно быть готово.

Просьба показалась мне странной, ведь было еще совсем светло, да и в это время года солнце не опускалось за горизонт. Я обыскала чайный домик и нашла под скамейкой два фонаря. На дне одного из них лежаладохлая муха. Вытряхнула ее и потрясла ветки крыжовника – в них обычно водятся мухи-огневки – над обоими фонарями, пока на дне не набралось достаточно сонных насекомых, закрыла крышку и отнесла их отцу. С бутылками за спиной и сеткой на голове, он, казалось, сосредоточенно о чем-то

размышлял. Я протянула ему оба фонаря, но он взял только один.

– Нориа, настало время показать тебе кое-что, – сказал отец. – Пойдем.

Мы пошли через каменистую равнину за домом к подножию сопки и начали взбираться вверх. Идти было недалеко, но волосы очень скоро слиплись от пота. На вершине, сплошь усыпанной камнями, я стащила с головы сетку – из-за сильного ветра мошка и оводы почти не донимали.

С чистого и неподвижного неба палило солнце. Отец остановился, словно отыскивая путь. Я поглядела назад: внизу виднелся домик чайного мастера с его садом – крохотное пятнышко зелени в окружении выжженной солнцем почвы и раскаленных камней. Деревенские домики были рассыпаны у подножия сопки Алвинвара. Далеко за ней, где находились орошаемые земли, виднелась темно-зеленая полоса еловых лесов. Еще дальше в том же направлении было море, но увидеть его не получалось даже при самой ясной погоде. В другой стороне стоял Мертвый лес с его сухими перепутавшимися ветвями и непролазным буреломом. Местами там пробивались березки, но они никогда не дорастали до моего пояса, а однажды я даже набрала там горсть брусники.

Отец свернул на тропинку. На этой стороне сопки было множество пещер, где мы часто играли в детстве. Однажды мама нашла нас с Саньей и двумя деревенскими ребяташками, играющими в троллей. Помню, как она молча тащила меня домой, а потом накричала на отца, забывшего присматривать за мной. Мне запретили на месяц ходить в деревню. Но всякий раз после того случая, когда мама уезжала в командировки, мы с Саньей тайком пробирались

к пещерам и играли в первооткрывателей, или в искателей приключений, или в тайных агентов Нового Киана в пустынях Средиземноморья. Пещер было много десятков, если не сотен, и мы, казалось, обшарили их все в поисках тайных ходов и сокровищ – таких, о которых написано в старых книгах или в рассказах, приходивших на транслятор, но не нашли ничего, кроме выщербленного камня.

Отец остановился у входа в пещеру, похожего на кошачью голову и, не произнеся ни слова, полез внутрь. Я – за ним. Проход был низкий, и мне с трудом удалось залезть туда, да еще с фонарем и москитной сеткой. Камень царапал колени через тонкую ткань штанов. В пещере было прохладно и сумрачно, отчего огневки в фонаре начали призрачно светиться желтым.

Я узнала это место: однажды летом мы с Санией даже поссорились, когда ей захотелось устроить здесь Главный штаб Центрального общества посланцев Нового Киана, а мне казалось, что в ней останется слишком много пустого места, потому что потолок резко снижался к задней стенке, да и сама пещера находилась чересчур далеко от дома, и вряд ли у нас получилось бы тайком приносить сюда еду. В общем, мы выбрали другую пещеру поменьше и поближе к нашему дому.

Отец подполз к задней стене, сунул руку, как мне показалось, прямо в стену и пошевелил. Скала над его головой скрипнула и раскрылась. В этом месте пещера была настолько низкой, что если сесть, то голова оказывалась как раз на уровне появившегося лаза. Отец протиснулся туда, взяв с собой фонарь.

– Ты идешь? – окликнул он меня.

Я поползла в конец пещеры, где только что отец открыл лаз, и потрогала стену. Сначала в

трепещущем свете я смогла разглядеть только грубый камень, но потом пальцы нащупали небольшой выступ, за ним – трещину с маленьким рычажком. Она была настолько удачно скрыта, что непосвященному увидеть ее было невозможно.

– Я тебе потом расскажу, как тут все устроено, – сказал отец. – Теперь залезай сюда.

Лаз вел в другую пещеру, точнее, в туннель, который вел прямо в глубь сопки. Над входом в потолке проходила металлическая труба, рядом торчал непонятно для чего здоровенный крюк. В стене было два рычажка – отец повернул второй, и лаз закрылся. В крошечной темноте свет фонаря стал совсем ярким. Отец стянул с головы сетку и снял со спины бутылку.

– Можешь оставить сетку здесь – она не потребуется.

Проход спускался в глубь сопки, туда же шла металлическая труба. Идти выпрямившись было неудобно, отец порой задевал головой за своды. Скала под ногами была неожиданно гладкой. Свет путался в складках одежды, темнота цеплялась за выступы на стенах. Я слушала тишину вокруг: она была другой, чем на поверхности, – куда более густая и недвижимая. Понемногу в глубине начал различаться тягучий нарастающий звук, такой знакомый и чужой одновременно. До того момента мне никогда раньше не приходилось слышать ее, текущую свободно. Это было похоже на дождь, стучащий в окно, или так звучит вода, льющаяся из котелка на корни сосны, при этом звук не был прирученным человеком, зажатым или закованным в металл. Он поглотил меня полностью и тянул все глубже, пока не оказался совсем рядом, как стены вокруг или темнота.